

**МИХАИЛ
ПЫЛЯЕВ**

Старая Москва

*Рассказы из былой жизни
первопрестольной столицы*

Санкт-Петербург

Михаил Иванович Пыляев

Михаил Иванович Пыляев (1842–1899) родился в старинном русском городе Гдове, что раскинулся на берегах реки Гдовки, впадающей в Чудское озеро. Отец будущего писателя, состоятельный купец, владел аптекарским магазином в Петербурге, а позднее завел несколько парфюмерных лавок.

М. И. Пыляев получил образование в петербургском реформаторском немецком училище при церкви Св. Апостолов Петра и Павла — Петершуле. Выпускниками этого училища, основанного еще Петром I в 1712 году, были композитор М. П. Мусоргский, архитектор К. И. Росси, врач К. А. Раухфус и многие другие известные люди. А в самой церкви обучался игре на органе П. И. Чайковский. Петершуле, наряду с изучением общеобразовательных дисциплин, давала своим ученикам прекрасное знание немецкого языка, прививала любовь к литературе, словесности, истории.

После окончания училища Пыляев слушал курс лекций в Харьковском университете, много путешествовал за границей и по России, некоторое время жил в Сибири.

С детства М. И. Пыляев увлекся театром. Впрочем, любовь к театру была семейной традицией. Одна из лавок Пыляева-старшего помещалась в Гостином Дворе, неподалеку от Императорского Александринского театра, актеры которого нередко навещали в торговое заведение гостинодворского купца. Здесь рассказывали театральные новости, читали эпиграммы, звучали актерские байки

и анекдоты. Не случайно, вступив на стезю журналистики, Пыляев свои первые статьи, очерки, рецензии посвятил театру, а любовь к сцене сохранил на всю жизнь.

В 1860-х годах в сатирическом журнале «Искра» стали публиковаться первые заметки Пыляева. Редактировал журнал В. С. Курочкин (1831–1875), известный поэт, переводчик, журналист, один из руководителей тайного революционного общества «Земля и воля», возникшего под идейным влиянием А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Впрочем, просуществовав всего три года, общество самораспустилось. С «Искрой» сотрудничали многие видные журналисты, литераторы, поэты, на страницах журнала публиковались произведения В. Буренкина, Д. Мищеева, А. Плещеева, Н. Успенского. В коллективе редакции Пыляев вскоре стал своим человеком, именно здесь начал складываться его своеобразный творческий почерк.

Небольшие статьи Пыляева о драматическом театре, балете, отчеты о художественных выставках и спортивных состязаниях, заметки о культурной жизни столицы публиковались не только в «Искре», но и в «Иллюстрации», либеральной газете «Сын отечества». Вообще, нужно отметить, что список периодических изданий, с которыми сотрудничал М. И. Пыляев, необычайно широк: «Петербургская газета», «Труд», «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и городской полиции», «Правительственный вестник», «Петербургский листок», «Московский листок», «Нива», — этим далеко не исчерпывается перечень газет и журналов, в которых появлялись публикации, подписанные «М. И. П.».

В конце 1870-х годов Пыляев сблизился с А. С. Сувориным (1834–1912), издававшим газету «Новое время». Личность Суворина до сих пор вызывает споры среди литературоведов, историков издательского дела, журналистов, оценивающих этого незаурядного человека в широком диапазоне: от прогрессивного либерала до консерватора и реакционера. Сам Суворин в письме к И. Н. Крамскому отзывался о себе так: «...в литературной деятельности я никому не изменял, но моя смелость зависела от атмо-

сферы... Кто поставлен был в такие тиски, как современный журналист, тот едва ли выйдет сух из воды... Как издатель, я оставлю прекрасное имя».

Пройдя трудный путь от учителя истории и географии в провинциальной школе до крупнейшего издателя, проявив талант и незаурядную деловую сметку, А. С. Суворин оставил заметный след в истории российского книгоиздания. Он владел влиятельной столичной газетой «Новое время» (одновременно был ее редактором и автором публицистических статей), издательским и книготорговым обществом «Новое время» со своей типографией и сетью книжных магазинов в Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Саратове, Харькове, Одессе.

В суворинской газете с 1879 года начинают публиковаться очерки, фельетоны и исторические анекдоты М. И. Пыляева, составившие циклы «Старый Петербург» и «Из былой жизни столицы». В издательстве Суворина впервые вышли в свет и книги Пыляева, принесшие ему широкую известность. Талант автора — журналиста, бытописателя, великолепного рассказчика — воплотился в книгах «Старый Петербург» (1887), «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» (1889), «Старая Москва» (1891), «Старое жительство» (1892), «Замечательные чудачки и оригиналы» (1898).

В книгах Пыляева переплетаются различные литературные жанры. Бытовой очерк сменяется анекдотом, литературная карикатура — историческим исследованием, при этом автор постоянно поддерживает в читателе интерес к своему рассказу. Публика встретила его книги с восторгом, а критики отзывались доброжелательно-снисходительно: «Г. Пыляев... умеет приготовить довольно вкусный, легко перевариваемый исторический винегрет...» (Впрочем, такое отношение к творчеству М. И. Пыляева можно встретить и сегодня. Один из современных литературоведов, оценивая издательскую деятельность Суворина, по поводу книг Пыляева говорит: «Последние, правда, трудно назвать исследованиями, это, скорее, сборники анекдотов из жизни вельмож и богачей, рассказы об их чудачествах, происшествиях и т. п.».)

Действительно, Пыляев не претендует на глубокое научное исследование, нередко, полагаясь на память, допускает ошибки в каких-то второстепенных деталях, опираясь, по его собственным словам, «на различные исторические источники и устные предания, сохранившиеся среди старожилов». Тем не менее примечания и указатели, которыми снабжены пыляевские книги, свидетельствуют о том, что автор пользовался серьезными источниками, дополняя их «устными преданиями», как это делает любой писатель, создающий литературное произведение на историческую тему.

На страницах книги «Старая Москва» перед нами предстает образ города как особой живой исторической среды. Современному читателю интересно будет заглянуть в прошлое столицы, описанное талантливым рассказчиком. Жизнь высшего света и низов, великосветские балы, народные гулянья, кулачные бои — и над всем этим словно слышится малиновый перезвон с колоколом «сорока сороков» московских храмов. Будто из отдельных кусочков смальты Пыляев складывает многоцветную мозаичную картину старой Москвы с ее древними боярскими родами и купцами из Охотного ряда, масонскими ложами и мещанским уютом, блестящими военными и удивленно взирающими на московскую жизнь иностранцами. Москва вельможная, Москва театральная, Москва литературная, Москва реальная и Москва легенд и преданий...

Автор ведет своего читателя по старинным московским улицам, знакомя его с городской топонимикой, рассказывает о памятниках архитектуры, храмах и монастырях, описывает предместья, многие из которых уже давно вошли в черту города.

Пыляев как рассказчик — пристрастен. Одним темам он уделяет больше внимания, другим — меньше. Особенно это заметно там, где речь заходит о театре, — вероятно, сказывается давнее увлечение, сохранившееся на всю жизнь. Пристрастность, субъективность отбора проглядывают даже при составлении указателей: далеко не все персонажи, упомянутые в тексте, включены автором в указатель. Но

и эта пристрастность помогает лучше понять личность автора и простить ему субъективность выбора.

Суворинские издания всегда отличались добротностью, высоким качеством подготовки и полиграфического исполнения. Книги М. И. Пыляева снабжены большим количеством тщательно подобранных иллюстраций, многие из которых автору предоставили коллекционеры, ревниво хранившие свои собрания.

Тем не менее и суворинское издание оказалось не свободным от ошибок, которые были устранены при подготовке к публикации этой книги. Кроме того, многие слова, вышедшие сегодня из употребления или изменившие свое первоначальное значение, редакция снабдила примечаниями, а также сделала перевод иностранных слов и выражений, встречающихся в тексте, сохранив по возможности орфографические и синтаксические особенности оригинала.

Ю. Богомолов

От автора

Настоящая книга составлена мною по тому же плану, как и ранее изданные сочинения мои «Старый Петербург» и «Забытое прошлое окрестностей Петербурга». Я не имел в виду написать полную историю Москвы, а лишь собрал здесь устные сказания современников и те сведения о ней, которые рассеяны в русских и иностранных сочинениях и которые рисуют преимущественно быт и нравы первопрестольной столицы в прошлом и начале нынешнего столетия.

Многие из рисунков, воспроизведенных в настоящем издании, появляются в печати в первый раз и заимствованы главным образом из богатого и всегда радушно открытого для занимающихся драгоценного собрания гравюр П. Я. Дашкова.

ГЛАВА I

Москва при Екатерине II. — Улицы и мостовая. — Розетки и фонари. — Характеристика высшего общества того времени. — Роскошь нарядов, экипажей и пр. — Модный молодой человек. — «Новомодные петербургские слова». — Великосветский жаргон. — Тетушка Петровской эпохи. — Жизнь на улицах в праздники. — Кулачные бои. — Место народных гуляний. — Рысистые бега. — Святочные катанья по городу. — Полицеймейстер Эртель и граф А. Орлов. — Праздники в Москве во время коронации Екатерины II. — Поездка царицы на поклонение мощам святителя Сергия. — Описание торжеств в лавре. — Уличный маскарад. — «Торжествующая Минерва». Авторы этого зрелища: Волков, Сумароков и Херасков. — Характеристика А. П. Сумарокова и Хераскова. — Церковь Св. Кира и Иоанна в память восшествия императрицы на престол. — Павловская больница. — Проект Воспитательного дома. — Постройка здания. — Пожертвования П. А. Демидова. — Чудачества Демидова. — Переписка с Бецким. — Благотворительная деятельность последнего.

Москва при императрице Екатерине II жила еще верная преданиям седой старины. По рассказам современников, в ней можно было найти много такого, до чего еще не коснулась эпоха преобразований Петра Великого.

Старина в Москве сохранялась не только в общественном быту, но и во внешнем устройстве города.

Москва при Екатерине II представляла несколько сплошных городов и деревень. Сама государыня, когда говорила про Москву, то называла ее «сосредоточием нескольких миров».

Имя города Москве давали только каменные стены Кремля, Китая и Белого города. Настоящий же город строился не по плану заморского зодчего, а по прихоти каждого домохозяина; хотя Бантыш-Каменский в биографии князя В. Голицына и говорит, что в угоду этому боярину было построено в Москве до 3000 каменных домов, но вряд ли это было на самом деле. Улицы были неправильные, где чересчур узкие, где не в меру уже широкие, множество переулков, закоулков и тупиков часто преграждались строениями.

Дома разделяли иногда целые пустоши, иногда и целые улицы представляли не что иное, как одни плетни или заборы, изредка прерываемые высокими воротами, под двускатной кровлей которых виднелись медные восьмиконечные кресты, да и о жизни на дворах давали знать лаем одни псы в подворотнях.

Дома богатых людей ютились на широких дворах в кущах вековых деревьев; здесь царствовало полное загородное приволье: луга, пруды, ключи, огороды, плодовые сады.

К богатым барским усадьбам прилежала большая часть густо скученных простых деревенских изб, крытых лубком, тесом и соломой. На улицах существовала почти везде невылазная грязь и стояли болота и лужи, в которых купалась и плескалась пернатая домашняя птица.

Большая часть улиц не была в те времена вымощена камнем, а по старому обычаю мощена была фашинником* или бревнами. Такие улицы еще существовали в Москве до пожара 1812 года. Грязь с московских улиц шла на удобрение царских садов, и ежегодно это удобрение туда свозилось по несколько сот возов¹. Насколько непроходимы были улицы Москвы от грязи, видно из того, что иногда откладывались в Кремле крестные ходы.

Мостить улицы камнем стали в Москве с 1692 года, когда Петр Великий издал указ, по которому повинность мостить камнем московские улицы разложена была на все государство². Сбор дикого камня распределен по всей земле: с дворцовых, архиерейских, монастырских и со всех вотчин служилого сословия, по числу крестьянских дворов, с десяти дворов один камень, мерою в аршин, с другого десятка — в четверть, с третьего — два камня, по полуаршину, наконец, с четвертого десятка — мелкого камня, чтобы не было меньше гусиного яйца, мерою квадратный аршин. С гостей и вообще торговых людей эта повинность была разложена по их промыслам. Все же крестьяне, в извозе или так приезжавшие в Москву, должны были в городских во-

---

* *Фашинник* — хворост, пучки которого применяются для укрепления дорог.

ротах представлять по три камня ручных, но чтоб меньше гусяного яйца не было.

На ночь большие улицы запирались рогатками; у которых сторожа были из обывателей, рогатки вечером ставились в десять часов, а утром снимались за час до рассвета. Сторожа при рогатках стояли иные с оружием, другие же с палками или «грановитыми дубинами». При опасностях сторожа били в трещотки.

Первые рогатки в Москве учреждены были при Иоанне III, в 1504 году; у них стояли караулы и никого не пропускали без фонарей; за пожарами наблюдала полиция с башенок, называемых тогда лантернами; последние устраивались над съезжими дворами. Первые фонари в Москве были зажжены осенью 1730 года, во время пребывания двора в Москве; поставлены они были на столбах, один от другого на несколько сажень; фонари были в первое время слюдяные.

Некоторым обывателям, у которых окна выходили на улицу, позволялось ставить на окнах свечи; как последние, так и фонари горели только до полуночи. В 1766 году всех фонарей на столбах было 600; в 1782 году фонарей было уже 3500 штук, а в 1800 году фонарей в Москве стояло до 6559 штук. Каждый фонарь в первое время по постановке обошелся казне по одному рублю. На больших улицах поставлены фонари были чрез 40 сажень; по переулкам, от кривизны их, против этого вдвое.

В екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственного и нравственного развития — под золотыми расшитыми кафтанами таились старинные грубые нравы.

Такие противоречия заставили литераторов того времени выступить с обличительным протестом против нравов высшего общества, где на первом плане была только одна мода. По требованиям моды роскошь в костюмах доходила до крайностей: бархат, кружева и блонды*, серебряные и золотые украшения считались необходимыми принад-

---

* *Блонды* — шелковое кружево.

лежностями туалета. Кафтаны носились с золотым шитьем и с золотым галуном, и не носить такого кафтана для светского человека значило быть осмеянным. Щеголь должен был иметь таких дорогих кафтанов по нескольку и как можно чаще переменять, шубы были бархатные, с золотыми кистями; на кафтанах тоже подле петель привешивались иногда кисти, а на шпаге ленточка; манжеты носились тонкие кружевные, чулки носили шелковые со стрелками, башмаки с красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имели при себе лорнет, карманные часы, по нескольку золотых, иногда осыпанных бриллиантами табакерок с миниатюрными портретами красавиц или с изображением сердца, пронзенного стрелой, и другие драгоценные безделки; на пальцах множество колец, а в руках трость.

Но особенное внимание щеголей было обращено на головную уборку: завивание волос, пудру и парики. Убрать голову согласно с требованиями светских приличий как для мужчин, так и для женщин было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь в двадцать и более, щеголи просиживали за таким занятием часа по три и по четыре. Кудри завивали наподобие «заливных труб и винных бочонков», как острил журнал «Пустомеля».

Вот как, по свидетельству сатирических листков, проводил свое время модный молодой человек, носивший в екатерининское время названия щеголя, вертопраха и петиметра*. «Проснувшись он в полдень или немного позже, первое мажет лицо свое парижскою мазью, натирается разными соками и кропит себя пахучими водами, потом набрасывает пудремань и по нескольку часов проводит за туалетом, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налепливая мушки, смотря по погоде петиметрского горизонта. По окончании туалета он садится в маленькую, манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрелами, и едет вскачь, давя прохожих, из дома в дом».

---

* *Петиметр* — молодой франт, вертопрах.

Московские франты в конце XVIII века
По рисунку Делабарта

В беседе с щеголихами он волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; его за это называют «резвым ребенком». Признание в любви он делает всегда быстро; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, он вдруг прерывает разговор: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? Вить я влюблен в вас до дурачества» — и бросает на нее «гнилой взгляд». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметр продолжает говорить ей похвалы.

После этого разговора щеголиха и петиметр бывают несколько дней безумно друг в друга влюблены. Они располагают дни свои так, чтобы всегда быть вместе: в «серинь-

кой»³ ездим в английскую комедию, в «пестринькой» бываем во французской, в «колетца» — в маскарade, в «медный таз» — в концерт, в «сайку» — смотрим русский спектакль, в «умойся» — дома, а в «красное» — ездим прогуливаться за город. Таким образом петиметр держит ее «болванчиком» до того времени, как встретится другая.

На жаргоне петиметров было много слов, буквально переведенных с французского языка; такие слова назывались «новоманерные петербургские слова». Современная комедия не раз осмеивала этот язык. «Живописец» Новикова приводит интересные образцы этого модного щегольского наречия.

Например, слово «болванчик» было ласкательное — его придавали друг другу любовники, оно значило то же, что *idole de mon âme**; «Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть! Твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут». Маханьем называлось волокитство. «Ха, ха, ха! Ах, монкер**, ты уморил меня!» — «Он живет три года с женою и по сю пору ее любит!» — «Перестань, мужчина, это никак не может быть, три года иметь в голове своей вздор!». «Бесподобно и беспримерно» в особенном новом смысле, например: «Бесподобные люди! Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темен в свете, что по сю пору не приметил, что это ничуть не славно и совсем неловко; он так развязен в уме, что никак не может ретироваться в свете». На простом языке эти странные слова без смысла обозначали следующее: «Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем не понятлив в щегольском обхождении и не понимает того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно».

Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовных походов, страстных признаний и сплетен двусмысленного содержания о разных знакомых

---

* Кумир моей души (*фр.*).

** *Монкер* (*фр. mon cœur*) — сердце мое.

лицах; волокитство было и общим развлечением, и целью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нежная, предупредительная любовь между мужем и женою на языке модного света называлась смешным староверством. Торжество моды было тогда, если муж и жена жили на две отдельные половины и имели свой особенный круг знакомых: жена была окружена роем поклонников, а муж содержал «метрессу»*, которая стоила больших денег.

Но, несмотря на приведенные нами крайности, порожденные французским влиянием, в тогдашнем московском обществе еще много сохранялось старины. Сатирические журналы рисуют этих представителей старины, разумеется, в карикатуре, и на них нельзя опираться как на документы. Но в известной степени их показания все-таки заслуживают внимания.

Во «Всякой всячине», например, описывается визит молодого племянника у старой тетки: «Не успел последний войти к ней и поклониться, как она закричала на него: „Басурман, как ты в комнаты благочинно войти не умеешь?“ Я извинился, говоря, что я так спешил к ней подойти, что позабылся. Она глядела на него нахмурившись, в комнате было темно, тетка сидела на кровати, племянник хотел поцеловать ее руку, но тут встретил непреодолимые препятствия. Между ними находились следующие одушевленные и неодушевленные предметы. У самой двери стоял, направо, большой сундук, железом окованный; налево множество ящиков, ларчиков, коробочек и скамеечек барских барынь. При конце узкого прохода сидели на земле рядом слепая между двумя карлицами и две богадельницы. Перед ними, ближе к кровати, лежал мужик, который сказки сказывал; далее странница и две ее внучки — девушки-невесты, да дура. Странница с внучками лежали на перинах; у кровати занавесы были открыты, вероятно от духоты, ибо тетушка была одета очень тепло: сверх сорочки она имела лисью шубу. Несколько старух и девок еще стояло у стен для услуг,

---

* *Метресса* — любовница.

подпирая рукою руку, а сею щеку. Их недосуги живо изображало растрепанное убранство их голов и выпачканное платье. Племянник так и не достиг со своим поклоном к тетке, он передалив человек пять и перебил множество посуды и в конце концов был очень рад, что кой-как выскочил поздорову из комнаты своей родственницы».

Если можно было встретиться с таким образом жизни в дворянском быту, то еще проще была в то время жизнь посадских людей и простолюдинов.

Например, когда богатый человек едал на серебре десятки кушаньев, простолюдин ел хлеб пополам с соломой, лебедой, спал прямо на полу в дыму с телятами и овцами, а летом и осенью простой народ прямо спал на улицах; на Москве-реке и Яузе мылись лица обоего пола прямо открыто на воздухе; стирали свое белье. Ниже мы прилагаем изображение Серебрянских бань на реке Яузе — бани эти существовали еще в XVI столетии. В виду этих бань в приходе Николы в Воробьино стоял некогда родовой дом драматурга А. Н. Островского. Здесь талантливый писатель написал целый рой своих неувядаемых комедий. Теперь в доме Островского открыто распивочное заведение и как раз, где помещался письменный стол бессмертного художника, стоит стойка кабатчика. Описывая картину тогдашнего уличного быта, мы находим, что на «Вшивом рынке» собиралась целая толпа мужчин, которые там стриглись, и от этого рынок был постоянно устлан волосами, будто ковром.

Посадские и простой народ летом ходили в халатах или рубахах, а зимою носили тулупы, крытые китайкою или нанкою*; летом на головах имели круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы. Отличительный наряд женщины простого сословия было покрывало, которое называлось накидкою. Накидки обыкновенно были

---

* *Китайка* — старинная плотная, обычно синего цвета, ткань, сначала шелковая, которую привозили из Китая, позднее хлопчатобумажная, российского производства. *Нанка* — грубая хлопчатобумажная ткань, обычно желтого цвета.